

Соблазн готовых ответов

Как изобрести традиционные ценности

Леонид Фишман

Л.Г. Фишман – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-76-87

Нередко возникает впечатление, что мы до сих пор не воспринимаем всерьёз ситуацию с общественно значимыми ценностями, хотя о них неоднократно говорилось и принимались решения на самом высоком уровне. Почему-то мы исходим из того, что в этом плане дела у нас обстоят лучше, чем в сфере импортозамещения или военной готовности. Несмотря на все процессы последних десятилетий, в России всё ещё есть некая прочная основа из «традиционных ценностей», которые надо только укрепить и актуализировать – а там уже дело пойдёт. Похоже, по умолчанию считается, как недавно считалось в экономике, что у России есть все ресурсы для самостоятельного развития. Наши «традиционные ценности» воспринимаются до сих пор как нечто столь же безусловное, весомое, грубое и зримое, как нефть и газ, запасы коих почти неисчерпаемы, или, в худшем случае, как наши обширные леса, которые вырастут снова, если просто прекратить их рубить. Или, применительно к «традиционным ценностям», «защитить».

ОТКАЗ ОТ ПРЕЗУМПЦИИ БЕЗУСЛОВНОСТИ ТРАДИЦИИ

Относительно традиционных ценностей существует иллюзия ясности, в основе которой следующее представление: в этой сфере достаточно понимания «на интуитивном уровне», уровне общих мест, с которыми трудно спорить, как, например, сказано здесь: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права

и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹.

Проблема заключается в том, что все эти и подобные им ценности подаются как якобы «безусловные», тогда как таковых не бывает. На самом деле все ценности обусловлены. Обусловленность социальными, политическими, технологическими, природными и прочими причинами, целями разного рода придаёт им смысл. И даже если позавчера, вчера и сегодня нечто называется одним и тем же словом, это не означает, что мы имеем дело с одним и тем же явлением. За примерами далеко ходить не надо. Справедливость, коллективизм, взаимопомощь, гуманизм, упомянутые в Указе, – ценности, обусловленность содержания которых очевидна. Содержание понятия справедливости диаметрально противоположно для тех, кто ассоциирует её с советским проектом и коммунистической идеологией, и тех, кто понимает их, исходя из практики обществ, основанных на неравенстве и эксплуатации. То же касается коллективизма и взаимопомощи. А гуманизм вообще неприемлем для многих православных верующих как отступление от христианства, переворачивание его с ног на голову.

Чтобы ценности оставались актуальными, их надо переосмысливать. Но не столько в плане конъюнктурного приспособления к злобе дня (превращения в лозунги), сколько с точки зрения их соответствия сегодняшним и долгосрочным планам и стратегиям развития страны. Это означает постоянный мониторинг обусловленности ценностей, чтобы те не оставались исключительно наследием славного прошлого, но и не теряли смысла для нас сегодняшних.

Поэтому первое, что необходимо, это отказ от своего рода презумпции безусловности традиции. В конечном счёте из неё полу-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. 09.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.12.2022).

чается презумпция бессмысленности, которая подразумевает отсылку к начальственному «молчать, не рассуждать!». Апелляция к чреватой бессмысленностью безусловности подразумевает якобы «естественность» отживших своё институтов и практик. В итоге это путь к утрате цивилизованности в целом. Потому что цивилизация и культура невозможны без смыслов, доступных каждому принадлежащему к ним человеку. Осознание обусловленности традиции означает, что мы должны сравнивать цели, которыми руководствовались наши предки, заведшие эту традицию, и свои собственные. И не только цели, но и мировоззренческие системы, в рамках которых они поставлены.

Как бы ни коробили некоторых «лидеров общественного мнения» слова об изобретении традиции, сказанное выше означает, что делать это всё-таки придётся. Хотя бы потому, что раз уж тема обсуждается столь настойчиво, значит, с имеющейся традицией что-то не так. Ведь когда она актуальна, о ней не говорят; потребность в традиции возникает, когда её уже нет или она почти исчезла, или её содержание спорно. Выбора между тем, чтобы изобретать или не изобретать, у нас просто нет – потому, что с тех пор, как Россия вступила в Современность, мы и так должны придумывать традицию постоянно. Как замечает Дмитрий Узланер, «та позиция, которая апеллирует к традиции, вынуждена постоянно эту традицию изобретать, так как в самой исторической традиции зачастую просто нет опыта, к которому можно было бы однозначно апеллировать. Общества прошлого никогда с подобными вызовами не сталкивались, и любая апелляция к традиции становится её креативной интерпретацией, продиктованной не столько логикой самой традиции, сколько логикой сегодняшнего дня»².

Выбор есть только между тем, чтобы изобретать традицию осознанно, с привлечением широких масс к дискуссии о том, кто мы, куда идём и зачем нам всё это, и тем, что происходит сейчас, – оставлением дела на откуп чиновникам, медиаперсонам и всякого рода «экспертам», чтоб они изобретали традицию *ad hoc*. Но последнее опять же заканчивается имитацией деятельности,

---

² Солодовникова О. Откуда есть пошли «традиционные ценности» // Медиапроект «Стол». 17.01.2021. URL: <https://s-t-o-l.com/material/58592-otkuda-est-poshli-traditsionnye-tsennosti/> (дата обращения: 12.12.2022).

тогда как первое означает лишь начало действительно тяжёлого и серьёзного пути, который предстоит пройти. В частности, на этом пути придётся устанавливать связи между понятиями «народ», «свобода», «личность», потому что все они тесно связаны с политической субъектностью. Без субъектности же традицию вообразить трудно. Кроме того, если идёт речь о консолидации российской гражданской нации, элемент изобретения и конструирования неизбежен. Модерновая нация – во многом следствие утопии, и поэтому, как ни парадоксально, и традиция есть в значительной мере её (утопии) следствие. Вопрос, есть ли у современной России такая утопия?

«Изобретение» традиции не означает ничего абсолютно неприемлемого даже для тех, кто считает себя традиционалистами. Оно не есть нечто, противоречащее природе человеческих сообществ. Традиция – не то, к чему нельзя приложить сознательно усилий, что должно непременно вырасти само по себе без света нашего сознания. Не является она также и тем, что можно снять с архивной полки в любой момент или выкопать из земли, где она терпеливо дожидается своего часа. Традиция – не природное явление, хотя её нередко хотят так представить, а культурное, она складывается из повторяющихся актов человеческой деятельности и потому в процесс её становления можно привнести большой элемент сознательности. Что и происходит, когда мы говорим о том, почему бы нам не «завести» какую-нибудь традицию, кажущуюся нам полезной. И в таком конструировании нет кажущегося произвола. Мы не можем сконструировать нечто жизнеспособное и отвечающее нашим внутренним потребностям из чего угодно, это возможно только из того, что есть под рукой и что уже является «работающими» элементами наших общественных практик.

Представления, согласно которым мораль, традиция, ценности возникают «естественным» образом, без целенаправленного формирующего их воздействия, были следствием консервативной реакции на Великую Французскую революцию. Они имели под собой основания, являясь ответом на плоский просвещенческий рационализм. Тем не менее, как и всякая реакция, такие представления – перегиб палки в обратную сторону. Это верно даже с точки зрения самого традиционного взгляда на происхождение цен-

ностей, морали, религии – в том виде, в котором он дошёл до нас в античных и иных преданиях. В ряде случаев предания гласят, что зачинателем религии, моральной практики, испытанного веками общественного устройства, мудрых законов и т.д. является великая личность. Она либо изложила переданное ей божеством, либо сама явилась изобретателем новации, которая положила начало освящённой её авторитетом и длительностью существования традиции. Парадоксально, но именно рационалистический, научный взгляд эпохи модерна, то есть эпохи, ставшей свидетельницей изобретения традиции, в значительной мере дезавуирует это представление, утверждая, что, конечно, ни Ликург, ни Солон, ни Моисей не придумали ничего единолично. Им приписываются достижения смежных с ними эпох и других людей, а сами эти деятели – в каком-то роде собирательные образы. Несмотря на это, мы имеем основание предположить, что на заре человеческой цивилизации люди не случайно уделяли внимание этому элементу искусственности, сознательности, конструирования, когда обращались к истокам ставших традициями практик. Данный элемент, очевидно, не просто согласовывался со здравым смыслом, но и проистекал из более глубокого представления о цивилизации как явлении в большой степени искусственном, «изобретённом».

Более того, если речь шла о религиозной традиции, то как минимум иудаизм, христианство и ислам являют примеры целенаправленного её (традиции) изобретения: формирование священных книг иудеев, догматов христианской церкви, практика фетв в исламе и пр. – притом, разумеется, что это всегда осуществлялось с отсылкой к прошлому. И во всех случаях такого рода изобретение сопровождалось рациональным обоснованием того, для чего это нужно: «чтобы сильный не угнетал слабого», например, и т.д. Изобретение традиции – согласование унаследованных от прошлого ценностей и смыслов с целями и задачами сегодняшнего дня. Всё сказанное не означает, что «традиция» или «традиционные ценности» – что-то текучее, аморфное и произвольно изменяемое. Но они не являются и чем-то неприкосновенным. Сила того, что называется традицией, – в способности меняться. Современность с присущим ей идеологическим обоснованием перемен в области морали только развила предпосылки к такому пониманию.

МЫ НАХОДИМСЯ ТОЛЬКО В НАЧАЛЕ ПУТИ

Возвращаясь к Указу Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», надо заметить, что приведённые в нём формулировки служат лишь предпосылками для выработки адекватных ответов. Наиболее яркий пример – ценность крепкой семьи. Понятно, что это семья, состоящая из мужчины, женщины и детей. Но до сих пор нет отчётливого понимания, возрождение и укрепление какого типа семьи нужно России и какую семью она себе объективно может позволить. Является ли большая семья с тремя и больше детьми следствием только экономической специфики аграрных обществ, или она возможна и в современности как массовое явление? Насколько оправдан выбор между количеством детей и качеством их жизни? Все эти и другие вопросы – не плод досужего ума и, как мы имели возможность убедиться, не решаются простыми мерами вроде различных видов материального стимулирования³. К тому же упор на семейные ценности несёт в себе и риски, вряд ли приемлемые для наших современников. Как замечает российский исследователь, «семьецентризм <...> предполагает ценность семьи над индивидуальными интересами её членов. Именно из него произрастают браки, заключённые потому, что “пора” и “так надо”, и дети, рождённые в таких браках. Именно он объясняет установку “сохранить семью любой ценой”, в рамках которой процветает домашнее насилие и дискриминация. В первую очередь – в адрес женщин и детей, поскольку на правах главы семьи мужчина имеет намного больше возможностей»⁴.

Мы уже не говорим о том, что апелляция к семейным ценностям в значительной степени является следствием импорта зарубежной идеологической продукции – американских протестантско-консервативных ценностей, которые к нам пришли с рыночным капитализмом, американской повесткой культурных

³ Как, в частности, внедрение практики выплат маткапитала смогло лишь отчасти сгладить демографическую проблему.

⁴ Высоцкая Т. Что такое «традиционные семейные ценности» и как они влияют на современное общество? // CHIPS Journal. 26.06.2020. URL: <https://chips-journal.ru/reviews/cto-takoe-tradicionnye-semejnye-cennosti-i-kak-oni-vliaut-na-sovremennoe-obsestvo> (дата обращения: 12.12.2022).

войн и т.д. Возвратившись к экономической аналогии, мы можем заметить, что здесь проявляется другая сторона мировосприятия российских правящих элит: сырьё продадим на Запад и там же получим всё нужное, в том числе и в идейной области. А в случае необходимости наклеим на импортный продукт свой ярлычок и выдадим за «традиционную ценность».

Другой пример – патриотизм. С чего, собственно, мы считаем его «безусловной ценностью»? Напротив, если и есть в современных обществах с момента их возникновения ценность, очень многим обусловленная, так это как раз патриотизм. Потому что в так называемых «традиционных обществах» привычного нам патриотизма нет, он появляется вместе с модерном. Одной из причин, по которым очень даже «традиционная» Россия первой не выдержала мясорубки Первой мировой войны, была именно та, что в ней не успело сформироваться ни «нации», ни «патриотизма» западноевропейского образца.

Кстати, а какая нация или какой «народ» нам нужен? «Многонациональный» или всё же какой-то другой, без национальных приставок, которые молчаливо отсылают к тому, что нации первичны, а сам народ как политический субъект – вторичен? На какую общность рассчитаны наши «традиционные ценности» – национальную в смысле «гражданского национализма», сословную, этническую, классовую? Это всё не праздные вопросы, на которые российские правящие элиты пока не готовы дать содержательного ответа.

Всё-таки эти вопросы пытаются разрешить хотя бы теоретически, но нередко соблазняются *готовыми* ответами. Например, периодически можно услышать, что, несмотря на разворот в сторону государственничества и патриотизма, «сомнительная концепция “многонациональности”, при которой восьмидесятипроцентное русское ядро России продолжало оставаться лишённым политической правосубъектности и словно бы затенённым, не была подвергнута пересмотру. <...> Именно русский народ враги планируют, победив, расчленив, навязав разделённым его частям разные местечковые “идентичности”, всевозможные поморские, новгородские, сибирские, казачьи и прочие им подобные варианты “внутреннего украинства”, которые уже проповедают соответствующие идеологи и специалисты по созданию социальных конструкторов».

Из этого делается вывод, что необходимо «официальное признание русского народа государствообразующим народом в РФ без всяких двусмысленностей и экивоков, а сразу вслед за этим и принятие особого пакета государственных законов, на корню пресекающих любые проявления русоненавистничества и пропаганду размывания этнического ядра»⁵.

Проблема заключается даже не в том, что такая политика похожа на этнонационализм прибалтийского типа с вытекающими из него последствиями. Такая политика может быть последовательно проведена только в случае слома негласного идеологического принципа современной русской государственности, согласно которому главным политическим субъектом является само «государство» в лице правящей бюрократии с «неодворянством», а не «народ» – русский ли, «многонациональный» ли – всё равно. Эта государственная бюрократия хотела бы иметь в России «патриотизм», но безусловный, не предусматривающий отчётности власти перед «народом» и прочих демократических принципов. И не так важно, будут ли особо выделены народ этнически русский и защита его прав, либо всех скопом запишут в русских («гражданскую нацию»). Важно то, что в таком случае государственная бюрократия окажется лицом к лицу с политическим субъектом, объединённым общностью прав и требующим от неё соблюдения своих обязанностей. Ей будет гораздо трудней представлять себя как носителя трансцендентной сущности «государственности», право которого на власть вытекает из каких-то более высоких (но неясных) источников, чем воля «народа». Иными словами, рассуждения в духе «вы должны быть патриотами, потому что патриотизм – это наша национальная ценность» потребуют дальнейших разъяснений.

Если правящая элита не готова к рискованному эксперименту по наделению граждан политической субъектностью, но ждёт от них патриотизма, ей придётся убедить граждан в приемлемости этого положения.

⁵ Бойков И. Именно русский народ враги планируют, победив, расчленив, навязав разделённым его частям разные местечковые «идентичности» // КМ.RU. 07.12.2022. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2022/12/07/rossiya/901840-russkaya-tsel> (дата обращения: 12.12.2022).

У российской государственной бюрократии, которая на международной арене остаётся теперь лицом к лицу с многочисленными противниками или не рвущимися помогать России в ущерб себе союзниками и партнёрами, возникает необходимость заключить с народом новый негласный общественный договор. Если наша правящая элита по-прежнему не готова к рискованному эксперименту по наделению граждан реальной политической субъектностью, но ждёт от них патриотизма, ей придётся убедить граждан в приемлемости этого положения. А именно в том, что она является их адекватным представителем, минуя неудобные демократические и либеральные практики, и отражает потребности большинства населения. Последнее выражается в соответствующих мероприятиях в экономической, социальной, политической сферах, которые предоставляют гражданам России определённые возможности, компенсирующие потерю потребительского рая довоенного времени.

НЕ ЕВРОПА ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ И НЕ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ»

С одной стороны, нам говорят, что Запад пытается навязать России свои «антиценности» и «антикультуру», заставив отказаться «от страны, веры и пола, чтобы люди забыли о своих идеалах и утратили связь с корнями»⁶. С другой – оказывается, наши ценности – это всё те же ценности Запада, только вчерашнего дня, а мы являемся теперь их главными хранителями. Но неплохо, если бы элементарный здравый смысл прошептал: не является ли наш завтрашний день сегодняшним днём порицаемой нами Европы? Если мы приверженцы традиционных органических ассоциаций с историческими корнями, питающими дерево Современности, то нам не должна быть чужда мысль: коль не нравятся яблоки, то не всё хорошо и с яблоней. Только поэту удаётся остановить мгновение, но не целым странам. Не удастся отделаться красивыми словами о том, что мы теперь «настоящая Европа»⁷. Хотя, признаем, это отвечает стереотипам поколения, которое привыкло находить готовые ответы

⁶ Резчиков А. Политологи назвали методы защиты россиян от насаждаемых Западом антиценностей // Взгляд.ру. 24.11.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/11/24/1188164.html> (дата обращения: 12.12.2022).

⁷ Караева Е. Настоящая Европа нашла убежище в России // РИА Новости. 02.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220702/evropa-1799708503.html> (дата обращения: 12.12.2022).

в интернете – начиная от списывания школьных сочинений и заканчивая изображением немецкой штурмовой винтовки на памятнике Калашникову. Кроме того, дискурс «России как правильной Европы, сохранившей традиционные ценности» – это «дискурс на экспорт, который плохо подходит для внутренней аудитории. Сотрудники политического блока президентской администрации понимают: концепция шефства России над всеми угнетёнными народами вряд ли отвлечёт россиян от внутренних проблем. Такие идеи были безнадежно дискредитированы в глазах российского общества ещё во времена СССР и братской помощи странам социалистической ориентации»⁸. (Остаётся добавить, что сегодня мы имеем дело лишь с бледной тенью «таких идей».) Противоречие, которое лежит в основе такого «ретроевропейского» подхода, связано с восприятием традиционных ценностей как чего-то неизменного. И этого противоречия удастся избежать только признанием их (ценностей) обусловленности и изменчивости, из чего вытекает необходимость «изобретать традицию». Причём традиция понимается здесь как устойчивая практика, обладающая неким возвышенным (т.е. выходящим за пределы повседневных потребностей) смыслом для тех, кто её осуществляет, и создающая крепкую общность между ними. Общий возвышенный смысл закладывается в основу общей идентичности.

Аналогичным образом не имеет смысла и говорить о российской «национальной идее» просто потому, что она якобы есть чуть ли не у всех подряд, а потому должна быть и у нас. На самом деле, национальная идея как таковая – явление крайне редкое. И когда она выходит на арену, то никогда не является собственно национальной. Она всегда мессианская, универсальная, касается всего человечества, будь это «американская мечта», французское «свобода-равенство-братство», советский коммунизм⁹. Конкретная на-

⁸ Перцев А. Враг стабильности. Как образы будущего у президента и общества стали несовместимы // Carnegie Endowment for International Peace. 18.11.2022. URL: https://carnegieendowment.org/politika/88441?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=ODEzLVhZVS00MjIAAAGITbQoMcaSi8QVbtvuRFm5E6BYozsjdHfgBet9j1d5cfpUYZ1YK66obpTtVvPyE9vsiiITyav-okuB3gn7D2v5o6FUCUG9PJxK0KoXRcE (дата обращения: 12.12.2022).

⁹ Который в этом смысле также можно считать разновидностью «национальной идеи», поскольку её воплощения были связаны с усилиями конкретной исторической общности – советского народа.

циональная общность в данном случае выступает как инструмент воплощения этой идеи, который, конечно, имеет благодаря этому преимущество первенства, мирового престижа, гордости от выполняемой исторической миссии, морального и идеологического оправдания своих действий и т.д., но всё же не претендует на то, что данная идея является принадлежностью только определённой социально-исторической общности. Поэтому если у России нет действительно универсальной идеи, исторической миссии, которая могла бы лечь в основание «национальной идеи», стоит быть скромней и ограничиться «традиционными ценностями». Последние же, как не без оснований полагает Владимир Путин, уникальны, в отличие от неолиберальных ценностей неповторимы и поэтому навязать их нельзя¹⁰. Да и не надо нам мессианской идеи: задача изобретения традиции на новом историческом этапе и без того достаточно непростая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже назрели предпосылки для понимания, что, образно говоря, традиционные ценности – это трудно. Российские политологи говорят о традиционных ценностях как «попытке не утратить адекватную человеческую природу и на её основании строить своё будущее», как о том, что «позволит молодёжи осознать себя, <...> ценности веры, это ценности наследия, рода... понимания, что помимо индивидуального человека есть мнения других людей, государства – это то, что объединяет нас», как об инструменте политики «по сохранению общества и человека», как о средстве сбережения и приумножения народа, о «самой широкой объединительной базе, фундаменте», на которых «можно построить не только идеологию, но и образ будущего, которое мы хотим»¹¹. «Трудность» традиционных ценностей связана с тем, что ожидания, связанные с ними, очень велики. Но в одну реку нельзя войти дважды. Если речь идёт о некоем «возрождении», уместно

¹⁰ Путин: навязать традиционные ценности нельзя, потому что они неповторимы // ИноСМИ. 27.10.2022. URL: <https://inosmi.ru/20221027/putin-257272151.html> (дата обращения: 12.12.2022).

¹¹ Резчиков А. Политологи назвали методы защиты россиян от насаждаемых Западом антиценностей // Взгляд.ру. 24.11.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/11/24/1188164.html> (дата обращения: 12.12.2022).

припомнить хрестоматийный опыт Возрождения европейского, когда желавшие возродить Античность на деле способствовали появлению чего-то другого. В сходной ситуации оказываются и те, кто сегодня говорит о возрождении традиции: что бы там у нас ни было в прошлом, оно может выступать только ориентиром, стремясь к которому нам придётся, хотим мы этого или нет, создавать что-то своё. И лучше делать это осознанно, изобретая традицию, чем вводить себя и других в заблуждение, полагая традиционные ценности чем-то вроде леса или нефти. Которые, к слову, тоже имеют свойство заканчиваться.

Завершая, не удержимся от экономической аналогии, тем более что о ценностях говорят и в области экономики, и в области морали. Утрируя, можно сказать, что у нас нет традиционных ценностей, которые можно с максимальной отдачей непосредственно использовать. В экономике наибольшую рентабельность и потребительную ценность имеет глубоко переработанное сырьё, требующее определённого уровня технологий. Так же и в общественно-политической области для достижения поставленных целей недостаточно наших нефте- и лесоподобных «традиционных ценностей». Требуются социальные технологии для прояснения смысла этих ценностей и согласования с потребностями сегодняшнего дня. Если этого не сделать, то в идеологической области мы не получим ничего, кроме очередной имитации и неэффективного использования имеющегося ресурса.